

СОДЕРЖАНИЕ

Механизм человечности.....	5
Седьмое Солнце	241

МЕХАНИЗМ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ



Глава 1

— Плати давай! Нечего тут из себя строить!

На мгновение Анне показалось, что она снова задыхается, — как в тот день, когда тело ее убитого отца выносили из дома, чтобы отвезти в больницу для вскрытия, а потом передать для погребения. Хозяин таверны, здоровенный мужчина, по виду из западных приморцев — только у них такая буйная рыжая шевелюра и такой скошенный лоб, — смотрел на нее с бесконечным презрением, и сквозь привычную решительную дерзость Анны стала проступать растерянность. Она не привыкла иметь дело с хамством.

В том мире, в котором Анна жила с самого рождения, никто не действовал вот так — нахрапом, бесцеремонно. Все обставлялось достаточным количеством поклонов и приличий, чтобы со взломом границ души можно было смириться. В мутном зеркале за барной стойкой она увидела свое отражение — бледная девушка в темном пальто казалась незнакомкой.

Хозяин таверны презрительно скрестил руки на груди. Наверно, он не в первый раз проделывал такой фокус с теми, кто не ожидал подвоха. С кем-то вроде Анны.

— Я не заказывала вино, — в очередной раз отчеканила Анна.

Кожа под перчатками стала ныть. Анна снимала их только перед сном — тогда, когда никто не увидел бы ее руки. Когда она стала есть, не сняв перчаток, то заметила, как хозяин таверны вопросительно поднял бровь. Впрочем, чему тут удивляться? Он наверняка видел в своем заведении и не такое.

— Чем докажешь? — парировал хозяин таверны. — Я подошел — перед тобой тарелка из-под рагу, чашка после чая и пустая бутылка. Плати, голубушка!

Черепя на винных бутылках в баре словно усмехались. Немногочисленные посетители хмыкали и обменивались негромкими и явно оценивающими комментариями по поводу Анны, наблюдая за представлением из-за столов и табачного дыма.

— Это не моя, — процедила Анна с той гордостью, с которой мать расплачивалась за услуги грязи мира сего, и швырнула пятигрошник, показавший гордый профиль его величества Пауля.

Хозяин таверны поймал монетку на лету, бросил в распахнутый рот кассы и снова вопросительно уставился на Анну.

— Она уже была, когда я села за стол. Наверняка кто-то из вон тех поставил.

«Вон те» — компания молодых крепких мужчин в невыразимо грязных обносках — заготовили так, что с потолка посыпалась труха. Их взгляды были неприятно липкими. К лицу Анны прилила кровь.

За неделю своих скитаний она успела побывать в самых разных местах: и в приличных кофейнях с полированными столами из красного дерева, масляными лампами и синими занавесками между отсеками, и в таких вот заведениях для простого рабочего люда, носильщиков и грузчиков, где подавали почки, хлеб и маринованные огурцы, на грубо сколоченном прилавке громоздились буханки на подносах, несвежие соленья, куски бекона и масло, а в воздухе стоял сивушно-луковый чад. Анна успела побывать в самых разных местах, но ее поиски пока не увенчались успехом.

— Еще скажи, что рагу не твое, — хмыкнул хозяин таверны и выразительно завел глаза к низкому закопченному потолку.

Да, заведение было то еще, прямо со страниц авантюрных романов. Анна в жизни не пошла бы сюда, если бы не ее дело.

— Слушай, не морочь мне голову! Или давай полукаруну серебром, или вон ступай на кухню. Посуду отмоешь, котлы ототрешь — и свободна. Винцо-то дорогое!

Анна беззвучно ахнула. Помыть посуду было нетрудно, как, собственно, и заплатить, пока еще у нее были деньги, но она терпеть не могла шантажистов и вымогателей.

Со стороны собора Святой Марфы донесся мелодичный перезвон — десять вечера. И она снова ничего не выяснила. И снова придется идти в собор, в ту его часть, которая отведена для приюта страдающих и скорбящих, ночевать на жесткой скамье и надеяться, что новое утро все сможет исправить.

Серебро мелькнуло шустро летящим круглым жуком. Хозяин таверны вновь проворно поймал деньги, поклонился.

Анна обернулась и увидела невысокого мужчину в темно-сером потертом пальто. Капюшон был низко надвинут, лицо незнакомца утопало в тени, но Анна все-таки смогла разглядеть аккуратный тонкий нос, четко очерченные бледные губы и ямочку на подбородке.

— Отстань от барышни, Пьер, — прошелестел бесцветный голос из-под капюшона.

Анна вздрогнула. Так, негромко и вкрадчиво, словно проникая словами под кожу, говорят только инквизиторы. Она не боялась инквизиции, но искать с ними общения будет только идиот. А общаться наверняка придется. Анна понимала, что нет на свете мужчины, который в таких местах заплатил бы за девушку — тем более серебряную полукаруну — и не потребовал бы продолжения приятного знакомства. Она прекрасно понимала, что рискует жизнью, когда приходит в такие вот таверны и погребки. Жизнью и честью. Но выбора у нее не было.

Хозяин таверны поклонился инквизитору, нырнул под стойку и вынул какой-то плотный бумажный сверток, старательно перевязанный бечевкой. Инквизитор взял его, кивнул на прощание и быстрым шагом двинулся к выходу. Анна машинально направилась за ним. Судя по плавности его движений, он хорошо танцевал; подумав об этом, Анна мысленно стукнула себя по голове.

— Ну ты глянь! Молодец! — одобрил один из завсегда-таев таверны. — Прикупил барышню на вечер!

Инквизитор ничего не ответил, и Анне сразу как-то хотелось его благодарить. Дама в таких обстоятельствах вообще ничего не говорит — за даму разговаривает мужчина, который спасает ее честь. Она одарила болтуна испепеляющим взглядом и не проронила ни слова.

Выходя, инквизитор придержал дверь. В лицо тотчас же ударил ветер, швырнул горсть декабрьского снега, и далеко впереди мелькнули зеленые фонари у собора Святой Марфы, сердца города. Анна поскользнулась на ступеньке в таверну, нелепо взмахнула руками, пытаясь удержать равновесие, и едва не растянулась на мостовой. Ей могло показаться, но инквизитор, кажется, усмехнулся под капюшоном.

— Незачем надо мной смеяться! — неожиданно для самой себя выпалила Анна.

Не упала — отлично. Нельзя падать на колени. Ни перед кем.

— Незачем в одиночку ходить в такие заведения, — парировал инквизитор, и сейчас его голос оказался звонче и намного приятнее. — Вы бы тут не котлы мыли, а обслуживали всех гостей и персонал. По кругу и всесторонне.

Не оборачиваясь, он пошел в сторону собора — быстро, но без торопливости.

Чувствуя, как в носу защипало, Анна сгребла горсть снега с завитка ограды, слепила снежок и запустила в темную спину инквизитора. Попала — но не в спину, а в голову, и он от неожиданности даже споткнулся. Отлично. Теперь она тоже может над ним посмеяться.

Инквизитор сбросил капюшон, обернулся. Отросшие светлые волосы были собраны в неопрятную гульку на затылке — кстати, модная прическа под названием «булочка», если, конечно, делать ее прямыми руками. Лицо незнакомца оказалось молодым и красивым, в глазах расплескалась ярость.

— Это мне такое большое спасибо за спасение вашей чести? — поинтересовался инквизитор свистящим шепотом.

Анна поняла, что сейчас разрыдается в голос. Все в ней сейчас звенело от волнения, гнева и усталости. Она даже не подумала о том, что инквизитор может взять ее за руку и увести в департамент. Снежок в голову превратится в нападение, а те крошки магии, которые были в Анне, сделают ее ведьмой.

Ей захотелось плакать. Много, слишком много всего случилось за эту неделю. Она потеряла отца. Потеряла дом. Весь ее мир был разрушен, и она скиталась по его развалинам в поисках спасения. Днем у нее была надежда на то, что все еще можно исправить, но в таверне она окончательно растаяла. Ничего уже не изменится. Все будет только хуже и хуже с каждым днем.

— Вы... не смейте говорить такие гадости! — выпалила Анна.

И, расправив плечи, решительно пошла по безлюдной улице. Проходя мимо, толкнула инквизитора, тот поскользнулся, но в его взгляде уже не было ярости — только усталость.

— Помешанная, — бросил он ей в спину.

Анна не обернулась. Слезы струились по лицу, и идти было некуда. Отчаяние, которое окутывало Анну, было темнее зимней ночи.

Только один человек мог помочь ей. Но он не был человеком.

И он не пришел.

* * *

— Если бы я получил это дело сразу, а не через неделю, то убийца уже был бы за решеткой.

Господин Итан Коннор лишь склонил голову. Мол, я все понимаю, но что имеем, то имеем. Он был крупным мужчиной высоченного роста, наверняка наклонялся, входя в двери, чтобы не стукнуться о притолоку, и Дерек невольно чувствовал себя карликом рядом с ним. Хмурым карликом в заснеженном пальто и промокающих ботинках, который полчаса назад получил папку с делом об убийстве и еще не знает, с какой стороны за него браться.

Дерек невольно отметил, что Итан смотрел на него с определенным недоумением, словно с его губ так и рвался вопрос: как вот этот сопляк, которого перышком перешибешь, может быть одним из лучших следователей столичного департамента инквизиции? Дерек очень часто видел такие взгляды в свою сторону.

— Я в вашем полном распоряжении, господин Тобби, — с искренним уважением произнес Итан. — Мне рассказывали о том, как вы ведете расследования. Вы единственная надежда нашей семьи.

Дерек усмехнулся. Коннор принял инквизиционного следователя в роскошной гостиной дома, который раньше принадлежал его брату. Имя Гейба Коннора знала вся Хаома. Это он создал арниэлей — предмет общей зависти и восторга.

Арниэли, механические создания Гейба Коннора, над которыми он работал почти двадцать лет, практически ничем не отличались от людей. Это было бесконечно талантливое соединение науки и магии, рукотворное чудо на грани божественного творения и новая человеческая забава. Слуги, секретари, помощники, даже проститутки для пресыщенных гурманов — арниэли быстро нашли себе место в мире тех, у кого хватало денег на дорогие развлечения. Говорили, что как только технология их производства станет дешевле, арниэлей поставят к станкам и отправят в королевскую армию.

Встречая арниэлей на улицах столицы, Дерек смотрел на них с некоторой брезгливостью. Лица у них были прекрасными, но в целом пропорции лиц и тел были нарушены так, что было ясно: при всей их похожести на людей это не люди, а лишь игрушки. Их и воспринимали-то как игрушки для пресыщенных богачей. Никто, например, не кричал в газетах о том, что арниэли отнимут у людей работу.

А теперь Гейб Коннор был убит.

По дороге сюда Дерек познакомился с материалами, которые собрала полиция. Подозреваемым был Джон А-один, первый созданный арниэль и личный помощник Гейба. Он нанес Гейбу удар по голове, проломил череп и был таков.

Полиция прочесывала столицу, но никаких следов беглеца не обнаружила.

Полиция тоже была хороша. Если в преступлении хоть как-то замешаны магия и артефакты, а также и арниэли, которые работают на артефактах, то следует немедленно вызывать инквизицию и передавать дело. Но господин Санторо, глава столичного полицейского департамента, который как раз ожидал очередной аттестации, решил отличиться. Покажем, что мы молодцы, натянем нос инквизиции — нашим вечным конкурентам и соперникам; взвейтесь, соколы, орлами... и все в том же духе. Громкое дело должно было принести ему очередной орден и повышение уже до министерского кресла. Но увь.

Официально объявили, что Гейб Коннор скончался от обширного апоплексического удара. «Кулаком по голове», — мысленно усмехнулся Дерек, принимая дело. Если бы стало известно, что арниэли способны убивать, это повергло бы столицу в хаос. Дерек согласился с тем, что это решение разумно.

— Значит, его нашли именно здесь? — уточнил Дерек и указал на ковер.

Все было идеально вычищено, вымыто, расставлено по местам, и место преступления осталось нетронутым только на дагеротипических снимках в его папке. Плохо. Очень плохо. Если бы эти придурки сразу вызвали инквизицию, то Дерек смог бы отследить этого Джона по колебаниям остаточных магических полей. А теперь поздно. Джон А-один растворился в столице.

— Да, Гейб лежал тут, у дивана. Джона не было.

Итан встал там, где неделю назад нашли труп его брата, и Дерек отметил, что он вроде бы не опечален гибелью родственника.

— Арниэли вашего брата неспособны причинить человеку вред, верно?

— Верно. Это и удивительно! Джон был... как бы это сказать... — Итан замялся, подбирая слова. — Не совсем такой арниэль, каких мы производим сейчас. Он был первым и лучшим. Очень человечным. И я не знаю, что и думать.

Если блоки в арниэлях можно вывести из строя, если это может сделать сам арниэль, то...

— У вас будут проблемы.

Итан кивнул. Снял маленькие круглые очки, сжал переносицу.

— У всех нас будут проблемы.

Дерек прошел по гостинной, заглянул в высокое окно. Оно выходило в заснеженный сад, и все статуи среди деревьев красовались в пушистых белых шапках. Вот и снова зима...

— А госпожа Кло? — спросил он. — Его воспитанница. Где она?

— Уехала сразу после похорон, — ответил Итан, и его ноздри едва заметно дрогнули. — Когда поняла, что завещания нет и она ничего не получит. Собственно говоря, я поэтому и обратился к вам, зная ваши таланты. Я хочу найти Анну. Пусть полиция ищет убийцу, а вы станете искать ее. Гейб считал Анну своей дочерью, несправедливо оставляя ее без гроша. Я выделю ей часть наследства.

Уже интереснее. Воспитанница и арниэль могли быть в сговоре. Например, девушка просила денег, опекун отказал, и все кончилось так, как кончилось.

Дело было плохо. Очень плохо. По столичным улицам сейчас ходил арниэль, способный убивать людей. И ему по большому счету ничего за это не будет. В уголовном кодексе нет соответствующих статей, а министерство магии и артефакторики будет прыгать от счастья, когда получит для исследований такую уникальную вещь, как Джон А-один.

И, конечно, Дерек не поверил ни единому слову о том, что Итан собирается одарить девушку деньгами. Такие, как он, не расстанутся и с пятигрошником — такой замечательный вывод сделал Дерек, увидев, что рукав сюртука Итана был сперва разорван, а потом аккуратно зашит. К тому же кто мешал ему сказать о своих намерениях сразу, не дожидаясь побега?

Но он, разумеется, не стал говорить об этом вслух.

— Куда она уехала? — спросил Дерек.

Итан только руками развел.

— Понятия не имею. Она очень разозлилась.

— Они были любовниками — ваш брат и она?

Лицо Итана окаменело, каждая мышца в нем напряглась. Дерек подумал, что если его ударит такой здоровяк, то мало ему не покажется. Легонько шевельнул рукой, выпуская метательный нож. Как правило, первый бросок впечатлял и помогал опомниться.

— Если бы вы знали Гейба, то не смели бы даже помыслить о таком, — процедил Итан. Предположение Дерека очень глубоко задело его. — Он воспитывал Анну с детских лет. Она была дочерью его покойных друзей, он не мог позволить, чтобы девочка отправилась в приют.

— Если бы вы знали, сколько таких случаев я видел по долгу службы, то не возмущались бы, — равнодушно ответил Дерек. — Очень многие опекуны вступают в незаконные и противоестественные отношения с такими вот дочерьми своих покойных друзей. А в каких отношениях этот Джон был с госпожой Кло?

Итан вздохнул. Его лицо наконец-то смягчилось.

— Они... как бы это сказать... дружили. Анна занималась артефакторикой, ходила на курсы... не профессионально, а так, частным образом, как развлечение. Джон помогал ей в лаборатории на нашем заводе. Иногда сопровождал на прогулках.

— А вы? Какие у вас были отношения?

Итан пожал плечами.

— Особенно никаких. Мы встречались только за ужином, если я приезжал к брату.

— Она могла использовать Джона? Сделать его своим оружием?

Итан пожал плечами. Нахмурился.

— Я не хочу об этом думать, господин Тобби, но иногда мне кажется, что да. Она не могла отдать приказ, но могла убедить.

Он отошел, опустился в кресло и устало признался:

— Все это у меня в голове не укладывается. Гейб любил Джона как родного сына. Никто и подумать не мог, что такое вообще возможно. Но следователь рассказывал мне. Направление, сила удара, края раны...

— И следы порошка фей в ране, — пробормотал Дерек.

Порошок фей, редкий и дорогой, использовался в арниэлях, делая их движения не рваными и дергаными, а плавными и мягкими.

Потом Дерек потратил полтора часа на тщательный осмотр дома и предсказуемо ничего не обнаружил. Комната Анны Кло уже успела превратиться в очередную гостевую спальню, и Дерек подумал, что это похоже на избавление от улик. Хотя, возможно, Итан слишком спешил вступить во владение имуществом и торопливо выкинул все, что могло напоминать об остальных претендентах.

Дом сам по себе пришелся Дереку по душе. Хорошо жить в таком месте с большой семьей. Широкие и не слишком крутые лестницы будто специально созданы для того, чтобы по ним порхали барышни в бальных платьях, солидные господа в мундирах смотрели с портретов с веселой оценкой, словно пытались понять, достоин ли гость того, чтобы общаться с хозяевами, и Дерек невольно представлял, что здесь наверняка устраивали балы. И очаровательная Анна Кло блистала, а Гейб Коннор прикидывал, кто из влюбленных в девушку молодых людей станет ее женихом.

— Я хотел бы пообщаться поближе с одним из арниэлей, — произнес Дерек, спустившись на первый этаж. — В рамках следственного эксперимента.

Итан кивнул и, вынув из кармана визитницу, протянул Дереку карточку с красным отрезом.

— Это, скажем так, место, где вам никто не помешает, — сказал он так, словно вообразил, что видит Дереканасквозь. Видит и понимает. — Добро пожаловать в любое удобное время.

* * *

Гранд-дама «Бабочки», дорогого борделя в престижном столичном районе, смерила Дерекана взглядом, после которого обычно следует дружеский совет убираться восвояси, пока не помогли те, кто покрепче. Он и сам почувствовал себя не в своей тарелке среди золота, мрамора, ковров и картин заведения. Это вам не дешевый бардак на окраине,

это достойное и приличное место, куда ходят такие же достойные и приличные господа, у которых ботинки не размокают в такую погоду.

Шевельнулся охранник возле дверей, будто бы невзначай продемонстрировал пудовые кулачищи и свое желание выбить дух из тех, кому до здешних барышень как до звезды небесной.

— Итан Коннор сказал, что здесь мне окажут всяческую поддержку, — ледяным тоном произнес Дерек и протянул гранд-даме карточку.

Увидев ее, она сразу же изменилась в лице — чопорное презрение мигом исчезло под искренним желанием удружить и обслужить. Охранник снова занял свое место и взялся за газету.

— Конечно, дорогой друг, конечно! — заворковала гранд-дама. — Друзья Итана Коннора мои лучшие друзья! У нас самые изысканные барышни на любой, даже самый притязательный вкус! Есть южанки, есть девушки с Малого Востока, если вы любите экзотику, есть и молодые люди...

— Арниэль, — оборвал Дерек ее излишняя.

Гранд-дама понимающе качнула головой.

— Разумеется, друг мой! Прекрасный выбор! Дженни как раз свободна. Эрик вас к ней проводит.

— Что будет, если я ее как-то... — Дерек поиграл пальцами в воздухе. — Поврежу?

Гранд-дама мечтательно улыбнулась, словно представила, как именно дорогой гость сможет повредить ее механическую соотрудицу.

— Дженни застрахована от несчастных случаев на работе, так что не ограничивайте себя.

Комната арниэли была на втором этаже. Поднимаясь по лестнице вслед за охранником, который всем видом выражал удовольствие от визита друга самого господина Итана Коннора, Дерек слышал далекие звуки музыки — играли Вторую сонату Дакверенти, и изысканная мелодия перемещалась с вполне приземленными звуками чужой страсти.

Охранник толкнул дверь, пропуская Дерека в комнату, и бросил:

— Друг господина Коннора, полная ночь.

Дверь закрылась.

Комната, в которой работала Дженни, была похожа на восточную шкатулку: серебристые шелковые обои на стенах, пушистый ковер с розовыми пионами, ширмы с журавлями и кровать, на которой можно разместить дюжину человек со всеми удобствами.

Когда к Дереку мягко скользнула длинноволосая блондинка, он на мгновение ощутил тревогу. Всю одежду девушки составляла золотая цепочка с жемчужинкой на правом запястье, но чувство опасности позвякивало и не умолкало.

— Здравствуйте, — пропела арниэль совершенно человеческим голосом — мягким, вкрадчивым, с легкой хрипотцой. Да, верно, именно так и говорили девицы в таких местах. — Меня зовут Дженни. А вас?

Перед Дерекком была молодая женщина — очаровательная, стройная, с чистой, почти светящейся кожей и голубыми глазами, в которых он видел неприкрытый интерес и такое же искреннее желание. О том, что это арниэль, говорили только слишком тонкий нос, крупные губы и волосы — пусть аккуратно приклеенные к голове, но все же видно, что это парик. И еще покрывавший девичьи ладони зеленоватый узор — некое подобие отпечатков пальцев, то, что делало арниэль уникальной.

Дерек знал, что над каждой арниэлью работает целая команда: мастера вылепливают вены, прорисовывают на искусственной коже поры. Под кожей был вспененный драконий бархат — с ним искусственная плоть арниэлей на ощупь ничем не отличалась от человеческой.

Дерек никогда не видел арниэль вот так вплотную. Сейчас, в мягком сумраке комнаты, она в самом деле выглядела словно настоящая девушка. Да, немного странное лицо, но что с того? Дженни была красива, ее влажный взгляд выражал нескрываемое влечение, и от лица, нежных очертаний плеч, теней на ключицах веяло жизнью, а не имитацией. От нее даже пахло девушкой, а не механизмом.

Пухлые губы дрогнули в улыбке, и Дерек вспомнил, что его приятель Маркус называл такие губы сосальным под-

ворьем. Тонкие пальцы пробежали по лицу Дереха, скользнули к воротнику, взялись за пуговицы. Дженни прильнула к нему, поцеловала. За время своей работы Дерек успел повидать всякое, но сейчас ему сделалось жутко, словно его целовала ожившая покойница.

От арниэли веяло живым теплом. По пути в бордель Дерек читал спецификацию. В арниэлях было триста шестьдесят два артефакта в придачу к рабочему механизму, чтобы сходство с человеком было потрясающим. А эту арниэль, которая сейчас прижималась к нему, хорошо обучили. Дерек и сам не понял, как Дженни успела так быстро избавиться его от одежды. На мгновение ему почудилось, что он сам сделался такой же механической игрушкой. Дженни целовала его — жадно, горячо, искренне, — и он, словно под чужими властными чарами, отозвался на ее поцелуй.

Кровать была мягкой. Упав на нее в объятиях арниэли, Дерек подумал, что уже несколько дней не спал нормально. Сначала была работа на севере: там ведьма по имени Хельта Олафсдоттир начерпала сил из болотных мертвецов и едва не пробудила древнего колдуна — пару ей, видите ли, подавай. Ладно, с Хельтой разобрались — и сразу же пришлось отправляться в Прихолмье: там юная ведьмочка Эрга Корниди решила, что сможет привораживать дур к дуракам на жире мертвецов и менструальной крови. Она еще делала зеркала из болотной воды, в которых можно было увидеть будущее. И вот стоило вернуться в столицу, как тут же новое дело...

Дженни плавно опустилась на Дереха сверху, улыбнулась и выдохнула:

— Ох! Природа щедро вас одарила!

Внутри она была тесной, влажной и обжигающей — настоящей. Пыльца фей, артефакты, механизмы... Дереку казалось, что он слышит негромкое пощелкивание изнутри арниэли. Стряхнув с себя наваждение, он перевернулся и вмял ее в постель. Арниэль вздохнула, прикрыла глаза, начала двигаться под ним.

Дерек сжал руки на ее горле и негромко произнес:

— Ударь меня.